

Л. Б. Нарусова

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС И ДЕКАБРИСТЫ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

Отношение декабристов к решению крестьянского вопроса занимало важное место в их идеологических исканиях. Вместе с тем взгляды декабристов по этой важной проблеме изучены не в полной мере, особенно эволюция их воззрений в годы сибирской ссылки и после возвращения из нее. Что же касается позиции, занятой декабристами по крестьянскому вопросу в годы первой революционной ситуации, то она рассматривается лишь в небольшом числе работ.¹ В настоящей статье предпринимается задача восполнить этот пробел.

Как в годы существования тайных обществ до 1825 г., так и в период сибирской ссылки декабристы рассматривали крестьянский вопрос, так сказать, абстрактно, в отрыве от жизни. Коренным образом изменился их подход к решению этой проблемы после амнистии, в период начавшейся революционной ситуации, когда, с одной стороны, развернувшиеся массовые крестьянские волнения не могли не пугать дворянских революционеров, а с другой — многочисленные высочайшие рескрипты и конкретные указания по подготовке освобождения крестьян гальванизировали надежды декабристов на «доброе» царя и возможность реформами «сверху» разрешить, наконец, стержневую для них крестьянскую проблему.

Н. И. Огарев утверждал в 1861 г.: «История пришла к исходной точке 14 декабря, но с тою разницею, что 14 декабря нельзя было поколебать царя, потому что помещичество и чиновничество были живы; теперь они подточены, а с ними подточена и царская власть».²

Пророческими оказались слова М. С. Лунина: «Через несколько лет те мысли, за которые приговорили меня к политической смерти, будут необходимым условием гражданской жизни».³ Амнистированные декабристы видят, что ожила «тьнь Пестеля с „Русскою

Правдою“ в руках», вспоминают, что главные основания «законоположения о крестьянах» П. Д. Киселева взяты из «Русской Правды» Пестеля, который когда-то давал своему начальнику читать ее наброски.⁴

Отношение к готовящейся крестьянской реформе — лакмусовая бумажка для определения эволюции взглядов декабристов. Только единицы из них (Горбачевский, В. Раевский) могли заявить, что «ничего не ждут от либерально-дворянской общест-венности», от проектов «свыше».⁵ Большинство же амнистированных декабристов приняло активное участие в многочисленных дворянских адресах, в обсуждениях крестьянского вопроса в губернских комитетах. С искренней радостью большинство декабристов встретило реформу и участвовало в проведении ее в жизнь в качестве мировых посредников (Оболенский, Розен, Назимов), членов губернских присутствий (Свистунов).

С неослабевающим интересом следили декабристы за подготовкой крестьянской реформы, которая вызывала у них не только заинтересованность и симпатию, но и желание активно содействовать «делу всей жизни». Об этом свидетельствуют конкретные предложения декабристов по поводу предстоящей «эмансипации». В статьях по крестьянскому вопросу, написанных Г. С. Батеньковым в 1857—1861 гг., содержались критические замечания и наблюдения, касающиеся подготовки реформ.⁶ М. А. Фонвизин еще в 40-е годы направлял из Тобольска министру государственных имуществ П. Д. Киселеву, составлявшему законоположения о крестьянах,⁷ записки по крестьянскому вопросу. Декабристы видели, что крепостное право вот-вот будет уничтожено и радовались тому, что дожили «до того времени, когда это безобразное чудовище находится при последнем издыхании».⁸ В Сибири они жили среди свободных крестьян и убедились на опыте в преимуществах их хозяйствования. Об этом свидетельствуют почти все мемуаристы. Так, И. А. Анненков писал жене: «С тех пор, как попал в Пензенскую губернию на американские плантации... ненависть к рабству пробудилась... Здесь отпечаток рабства на лицах, разбойники управляющие и заседатели... грабители...».⁹

Многие декабристы активно участвуют в подготовке реформ. А. П. Беляев в 1858 г. создает свой проект «эмансипации», основанный на личном опыте управления имениями Нарышкиных.¹⁰ И. А. Анненков, член Комитета по улучшению быта крестьян, а позднее член Нижегородского губернского присутствия, также имел ближайшее отношение к разработке реформы.¹¹ Военный губернатор Нижнего Новгорода декабрист А. Н. Муравьев выступил с речью о необходимости полного освобождения крестьян с землей.¹² Активнейшую позицию в Калужском дворянском собрании заняли декабристы Оболенский, Свистунов. Трубецкой в прибавлении к своим «Запискам» с симпатией пишет о подготовке реформы в Киеве, причем упрекает киевское дворянство в медлительности, нежелании «все разом решить» и с гордостью приводит в качестве примера речь своего товарища А. Н. Муравьева

при открытии Комитета в Нижнем Новгороде. М. И. Муравьев-Апостол из Твери пишет И. И. Пущину 14 марта 1958 г.: «Дворянство неповоротливо действует, а народ, как он хорош, великодушен в своем спокойствии». Одобряет он и речь А. Н. Муравьева.¹³ Батеньков, отмечая колебания помещиков в вопросе об освобождении крестьян, писал: «Приметно, что большинство владельцев неохотно и не без опасений за личное свое положение и за самые явления в общественной жизни приступают к сему делу». Батеньков подчеркивал необходимость добиться самого главного — гражданских прав для крестьянства.¹⁴ Внимательно следили декабристы за журналами Редакционных комиссий по крестьянскому вопросу. С. Г. Волконский утверждал, что деятельность Я. И. Ростовцева «по крестьянскому делу» вполне заслуживает того, чтобы имя Ростовцева «было высечено на скрижалях отечественной истории».¹⁵ Оживленную переписку вел с Ростовцевым Оболенский, всей душой переживая за «крестьянское дело».¹⁶ Рассуждая о предварительной деятельности Редакционных комиссий, Оболенский был склонен к идеализации отношений между «отцом»-помещиком и «детьми»-крестьянами. Поэтому основной его упрек в адрес Комиссий как раз и сводится к тому, что они в своей деятельности «не только не стремятся к слитию интересов дворянства с интересами крестьянства, но, напротив, стремятся к их разъединению и к утверждению враждебных между ними отношений».¹⁷

Вспоминая об амнистии С. Г. Волконского, его сын говорил об атмосфере тех лет, когда был «поднят вопрос об освобождении крестьян и о гласном судопроизводстве — две идеи, к которым постоянно стремилась его (С. Г. Волконского. — Л. Н.) душа». С жадностью собирав декабрист мельчайшие подробности разрабатывавшейся в Петербурге реформы, все мысли его, по утверждению сына, были «сосредоточены с этой поры на осуществлении заветной мечты и он боялся лишь одного — не дожить до дня ее осуществления».¹⁸ Своему другу Пущину Волконский постоянно задавал вопросы о ходе подготовки реформы: «В Москве столько слухов об эмансипации, будто бы затеянной не на шутку, что горячо хочется знать положительно об этом. . . вопрос эмансипации есть коренной вопрос России, а для меня самый близкий к сердцу».¹⁹

Более скептически смотрел на готовящиеся изменения в стране В. Ф. Раевский, не разделявший либеральных иллюзий, свойственных большинству его товарищей. В конце 1857 г. он пишет из Александровского завода: «Весною собираюсь съездить в Россию. Но что ни слышу, ни читаю, ни вижу из писем от родных и знакомых, меня не утешает. Журналистика кричит и хрюкает о каком-то прогрессе цивилизации, о новой эре — и ни с места! . . . Что же ожидать и что я увижу!»²⁰ Еще более резкую оценку политической ситуации кануна реформ дает Раевский в письме к Батенькову (от 29 сентября 1860 г.): «Относительно настоящего и будущего России я с сожалением смотрю на все. Сначала я с жадностью читал журнальные статьи, но, наконец, уразумел, что все

эти вопросы: гласность, советы, стремления, новые принципы, прогресс, даже комитеты — игра в меледу. Государство, где существуют привилегированные и исключительные касты и личности выше законов. . . , где произвол без контроля и ответственности, где законы практикуются только над сословием людей, доведенных до скотоподобия, там не гомеопатические средства нужны. В наше время освобождение крестьян было ближе к делу».²¹

Настоятельная необходимость решения крестьянского вопроса подталкивала декабристов к участию в развернувшейся кампании за отмену крепостного права, в частности в составлении адресов на имя Александра II. М. И. Муравьев-Апостол в Твери сотрудничал с А. М. Унковским, С. П. Трубецкой в Киеве давал рекомендации представителям дворянства, А. Н. Муравьев составлял адреса в Нижнем Новгороде,²² а в Калуге, где в Комитете по улучшению быта крестьян преобладали реакционно настроенные помещики, членами либерального меньшинства были Оболенский, Свистунов, Батеньков, составившие свой проект «эмансипации», решительно встав в «оппозицию против требований Комитета».²³ Сообщая Батенькову о беседах с Нарышкиным, Оболенский с восхищением писал: «. . . если бы писать все то, что он говорил о собрании дворянства петербургского и московского. . . и о лицах иже во власти суть, то пришлось бы написать целую брошюру с красным знаменем на обертке и с заглавием *Les aristocrates a'la lanterne*».²⁴ Однако в большинстве своем они все-таки стояли на позиции либерального дворянства. Поэтому наибольшей популярностью и симпатией среди декабристов этой поры пользовался тверской проект А. М. Унковского,²⁵ который предлагал единовременное повсеместное освобождение крестьян с наделением земли и с вознаграждением за это помещиков. В частности, Свистунов об этом проекте писал И. Пущину из Калуги: «Умно и любопытно».²⁶

Если личное освобождение крестьян от крепостной зависимости было безусловным требованием всех декабристских программ до 1825 г. и убеждением всех возвратившихся из Сибири декабристов, то о способах и путях «эмансипации», об освобождении крестьян с «выкупом» или без него существовали различные мнения среди них — как до, так и после 1825 г. С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский, М. А. Фонвизин, П. Н. Свистунов разделяли по этому вопросу традиционные взгляды либерального дворянства. Как справедливо писал Н. М. Дружинин, от конституции Н. М. Муравьева «тянутся преемственные связи к проектам Унковского. . .».²⁷

Иллюзорные надежды на возможность в ходе реформы удовлетворить обе стороны — помещиков и крестьян в эти годы были присущи большинству возвращенных декабристов. Е. П. Оболенский в письме И. И. Пущину выражал надежду, что обе стороны будут довольны друг другом»²⁸ и сравнивал реформу с матерью, избавляющейся от бремени.²⁹

Сам же Пущин колебался между признанием возможности союза крестьян и помещиков и сознанием недолговечности

и исключительности такой ситуации.³⁰ Живший в Твери и близкий к А. М. Унковскому М. И. Муравьев-Апостол был убежден, что кроме личного освобождения от крепостной зависимости, крестьяне «должны получить всю землю, которая ранее находилась в их пользовании».³¹ Выступая противником безземельного освобождения, М. И. Муравьев-Апостол склоняется к мысли о выкупе земли у помещиков, но с условием, что этот выкуп должно осуществить государство, которое «обязано участвовать в освобождении тех, которых продавали, как вещь». Кроме того, М. И. Муравьев-Апостол резко возражал и против постепенного проведения реформы с сохранением за помещиками на длительный срок прав вотчинной полиции.³²

А. В. Поджио в период подготовки и проведения реформы колебался между сознанием необходимости освобождения крестьян с землей и обязательностью выкупа крестьянами своих наделов, «чтобы не разорить помещичьих хозяйств»,³³ причем «вменить» обязательный выкуп, по его мнению, должно правительство.³⁴

И. Д. Якушкин в конце 50-х гг. предстоящее освобождение крестьян не мыслил без наделения их землей.³⁵

Признавая в целом целесообразность освобождения крестьян с землей, декабристы вместе с тем серьезно обдумывали и выкупную операцию, которая, по мнению большинства из них, должна неминуемо следовать за «эмансипацией». Так, в своем проекте А. П. Беляев скрупулезно подсчитывает цену пахотной земли, доходы с десятины во вверенном ему имении, чтобы предусмотреть «обязательство крестьян к помещику за то количество земли, какое отведется на тягло или душу». Составляя свой проект, Беляев стремился к тому, чтобы «новое благодетельное устройство крестьян имело одни благие плоды» и не причинило бы «никому вреда», заботясь при этом, прежде всего, об интересах помещика. По мнению Беляева, все улучшения в хозяйстве будут вводиться помещиком как «образованным человеком», поскольку без «их (помещиков. — Л. Н.) содействия наше русское хозяйство не пойдет вперед».³⁶

Много энергии и сил отдал созданию проектов освобождения крестьян М. А. Фонвизин. В статье С. В. Мироненко «Крестьянский вопрос в трудах декабриста М. А. Фонвизина»³⁷ на основе трех неопубликованных записок декабриста сделаны следующие выводы. Во-первых, Фонвизин признавал, что крепостное право является тормозом в развитии экономики страны, особенно ее сельского хозяйства. В основу освобождения крестьян, по мнению Фонвизина, должна закладываться совершаемая правительством выкупная операция, производимая на средства государства. Чтобы предотвратить возможное сопротивление дворян освобождению крестьян, Фонвизин «отнюдь не исключал мер насилия по отношению к тем помещикам, которые противились бы проведению реформы». С. В. Мироненко подчеркивает, что выступая за отмену всех феодальных привилегий дворянства в области экономических отношений, Фонвизин «одновременно заботился

о сохранении его политического значения». В целом же разработанный М. А. Фонвизинным план отмены крепостного права носил прогрессивный характер, так как, «считая важнейшим пунктом своей программы освобождение крестьян с землей, он видел конечную цель в создании из крепостных крестьян свободных земледельцев, чья жизнь вполне обеспечивается их собственным хозяйством. Помещичье хозяйство должно было преобразоваться в систему ферм, обслуживаемых с помощью наемного труда».

Публиковавшиеся в газетах и журналах проекты освобождения крестьян создавали видимость их широкого обсуждения, и многие декабристы искренне верили «общественному» характеру готовящейся реформы. Пожалуй, только М. И. Муравьев-Апостол, да и то спустя некоторое время, понял, что проекты освобождения разрабатывались без участия заинтересованного элемента — крестьян. «Толковать в канцеляриях о свободе крестьян и не призывать их в Комитеты — не логично», — напишет он.³⁸

Итак, декабристы с горячей заинтересованностью следили за готовящейся крестьянской реформой и стремились активно содействовать этому, составляя свои проекты «эмансипации».

Еще до 1825 г. многие члены тайных обществ, владевшие поместьями, нитались в частном порядке разрешить крестьянский вопрос в своих имениях. М. Ф. Орлов, например, участвовал в двадцатых годах в подготовке заявления помещиков Александру I о постепенной отмене «рабства крестьян».³⁹ Вспомним неудавшиеся попытки И. Д. Якушкина освободить своих крестьян,⁴⁰ в связи с чем он писал в 1822 г.: «Управлять людьми есть самая несносная вещь, ибо иметь людей от тебя зависимых, это значит самому от них зависеть».⁴¹

Однако существовавшие до 1825 г. противоречия между практической деятельностью членов тайного общества, владевших поместьями, и их теоретическими идеями, закрепленными в документах тайного общества, по возвращении их из Сибири еще более усилились. Активно участвуя и борясь в Комитетах с противодействием, обусловленным неприязненным отношением подавляющей части дворянства к планам, посягающим на помещичью собственность, декабристы невольно сами вспоминали о своих владельческих правах. Высокие нравственные идеи и моральные обязательства вступали в противоборство с житейскими планами и практическими соображениями.⁴²

Решая положительно крестьянский вопрос в нравственно-этической и социальной сфере, возвратившиеся декабристы далеко не всегда были последовательны в практическом применении своих идей. И. А. Анненков, с негодованием писавший жене о «рабстве» в Пензенской губернии, в собственном хозяйстве был расчетливым хозяином. В письмах он жалуется на «крестьянские недоимки, на потравы, на недостаточную энергию своих старост», учит сыновей принимать решительные меры, чтобы ликвидировать «крестьянскую задолженность».⁴³

В письме к И. Пущину Трубецкой ратует за ускорение реформы, проведенной «без потери для помещика».⁴⁴

Е. П. Оболенский, который так горячо выступал против оппозиции справа в Калужском комитете, пишет И. И. Пущину о посещении своего Тульского имения: «Видел быт крестьян не оброчных, но на пашне и нашел, что они в довольно хорошем положении. Заходил к ним в дома, пил их квас. . . Изменение их отношения к нам не родит богатства — верю возможности и осуществления этого изменения, но сам не умею придумать, как это привести в исполнение».⁴⁵ Нельзя не почувствовать в этом признании и стремления быть для своих крестьян «отцом», и констатации того, что даже добрые взаимоотношения помещика и крестьянина «не родят богатства», и некоторую растерянность в выборе путей «осуществления изменений». Об этой же поездке Оболенский пишет и другому адресату — С. Н. Кашкину, с которым он был даже более откровенен в своих практических намерениях: «В сентябре был в Тульской губернии и думал устроить выкупную операцию, но не успел в благом намерении: крестьяне не решились платить пятую часть, хотя с рассрочкой на семь лет. Я простился с ними и доволен был, что не удалось это дело, которое лишало нас 200 р. сер. ежегодного дохода при всех возможных натяжках в уплате. Теперь вновь пришла от них бумага, по которой они хотят выкупить одну усадебную оседлость. Но в этом надобно им отказать. Видно, что они помышляют о выкупе и наконец решат это дело».⁴⁶

В одном из писем М. И. Муравьеву-Апостолу Оболенский также сетует на то, что был вызван в Тульскую губернию «по крестьянским делам», где его одолевали «скучные прения с крестьянами» и «отнимали всякую охоту к свободному слову». Это раздражает его, разочаровывает и кладет «предел благим мечтам».⁴⁷

Он пишет другу о выкупной операции, которую пытался провести в Тульском имении: «Хотел сделать их (крестьян. — Л. Н.) полноправными собственниками своего поземельного участка». Но желание Оболенского не исполнилось: «Мужики потолковали и решили, что им выгоднее платить 9 руб. оброка, нежели временно (т. е. 7 лет рассрочки. — Л. Н.) платить оброк возвышенный, а потом поступить в число земледельцев с уменьшенным оброком до 7 руб. 20 к. с души. Видимая и ощутительная выгода сделки не прельстила их. Жаль мне было расставаться с моей мечтой, чтоб сделать моих мужиков полноправными гражданами».⁴⁸

Вопрос о том, поймут ли крестьяне «выгоды эмансипации», по-видимому, занимал не только Оболенского. Полемика о том, стоит ли «давать» крестьянам свободу, сумеют ли они воспользоваться ею, или лучше оставить их под властью «добротного отца — помещика» развернулась на страницах декабристских мемуаров.

Так, А. Е. Розен, признавая моральное уродство крепостного права, вместе с тем считает, что у «помещиков благонамеренных», у которых «крестьяне были большей частью на оброке и жили, как люди свободные», народ мог иметь «лучшими своими заступни-

ками и ходатаями своих же господ помещиков».⁴⁹ И если у Розена подобные идиллические представления о взаимоотношениях с крестьянами существенно не изменились, то у В. С. Толстого, читавшего мемуары друга «с карандашом в руках», мы можем наблюдать значительную эволюцию во взглядах по данному вопросу. Так, в 1821 г. он писал Трубецкому: «Положение крестьян слишком меня трогает. Сколько я мог узнать их свойство и образованность, я нахожу, что время не пришло им быть вовсе свободными, как кричат наши либералисты; но они должны быть руководимы попечительным господином, и в его распоряжении найдут они истинное благополучие, покамест придет время, где постепенное образование откроет им пути к свободе».⁵⁰ В шестидесятые годы В. Толстой уже понимает невозможность существования «попечительного господина» в условиях крепостной системы, поэтому на вышеприведенные слова Розена о «заступничестве господ за своих крестьян» замечает: «Это была только счастливая случайность, могущая всегда измениться при переходе имения через наследство или продажу».⁵¹

Как бы подводя итог обсуждению данного вопроса, А. Розен в мемуарах написал, что освобождение крестьян вызвано «не одним только человеколюбием и чувством уважения к человеку, но также необходимостью, потому что прежние отношения помещиков к своим крепостным людям сказывались несостоятельными во всех видах нравственных, политических и экономических».⁵²

Таким образом, можно сказать, что если до 1825 г. требование отмены «рабства» выдвигалось членами тайных обществ часто с точки зрения отвлеченного гуманизма и нравственно-этических представлений (хотя и до 1825 г. многие понимали и социальную, и экономическую, и политическую необходимость отмены крепостного права), то в период реформ декабристы, не утратив моральных обязательств перед крестьянами, пытаются решить вопрос об отмене крепостного права, исходя из более глубоких соображений политической целесообразности и экономического обоснования. Что же касается практической деятельности декабристов в собственных имениях, то здесь следует отметить, что, оставаясь прежними ревностными защитниками крестьянства, некоторые «имущие» декабристы допускали определенные колебания, а иногда и совершали переход от «обличительного» направления к «защитительному».

Особую остроту в период нарастания революционной ситуации приобрел вопрос о возможности «крестьянской революции».

Глубоко сочувствуя угнетенному крестьянству и последовательно выступая за его освобождение, декабристы вместе с тем боялись народной революции. Уроки, извлеченные ими из анализа причин поражения восстания 1825 г. («удачи и быть не могло», потому что не было сочувствия народа), остались для них лишь теоретическим опытом. В годы революционной ситуации декабристы не допускали возможности использования этого опыта в реальной практике освободительной борьбы.

Приблизившись в теоретических рассуждениях к идее народной революции, декабристы в новых исторических условиях остановились перед страхом «пугачевщины».

В пятидесятые годы боязнь крестьянской революции была свойственна им не в меньшей, а даже в большей степени, чем в 1825 г., однако страх перед народным восстанием не мешал декабристам искренне желать освобождения крестьян. Но так же, как и в 1825 г., в период революционной ситуации большинство из них считало возможным осуществить это без непосредственного участия самих крестьян. В этом смысле декабристская формула «для народа, но без народа» почти не претерпела изменений.

Как ни противоречиво было отношение большинства декабристов к крестьянскому вопросу в период нарастания революционной ситуации — сама весть об освобождении крестьян не могла их не взволновать.

При этом многие декабристы идеализировали Александра II и Манифест 19 февраля 1961 г. Например, С. Г. Волконский, узнав об отмене крепостного права, плакал «слезами благодарности к царю-освободителю» и впоследствии вспоминал, что это была «лучшая минута его жизни». ⁵³ М. И. Муравьев-Апостол писал о Манифесте как дарованной царем милости и «заре прекрасного дня»: «Читаешь и не веришь, что держишь в руках русскую газету». ⁵⁴ Оболенский писал Кашкину, что теперь в России «свободно дышится после 19 февраля». ⁵⁵

Однако были и иные, более трезвые оценки.

До далекого Селенгинска, где жил М. Бестужев, еще только собиравшийся возвращаться в Россию, весть о Манифесте 19 февраля докатилась с опозданием, но декабрист спешит выразить свои сомнения в «монаршей милости»: «... что у вас совершилось на том свете, право, не разберешь, и смешно, и грустно. Прогресс, о котором так много кричали, кажется пошел рачьим ходом... Бедная Россия! Особенно мне непонятны приемы правительства... видимо, пресловутый русский прогресс сел по привычке на рака и прямо втащит нас в незабываемую эпоху Незабвенного». ⁵⁶ Оболенский, который сначала искренне радовался реформе, также постепенно убеждается в тщетности своих надежд на дарованную «свыше» волю. Уже спустя несколько месяцев после опубликования Манифеста, он убеждается, что в России «чистая демократия немыслима без чистого деспотизма», и сочувствует обманутым крестьянам. «По букве закона свобода водворена, — замечает Оболенский, — но не в жизни, она едва видна на бумаге, откуда ее хотя не вычеркнут, но исказят ее смысл». ⁵⁷

И. И. Горбачевский, скептически настроенный и до реформы, теперь все больше убеждается, что так «спасать народ» — значит бросать его «из огня в воду, чтобы там и утонуть навсегда». Он утверждает, что в результате «все опять осталось по-прежнему... некоторые перемены и то только, в сущности, на словах, а на деле чуть не выходит хуже». ⁵⁸

Прочитав Манифест об освобождении крестьян, декабрист А. Н. Муравьев заплакал и сказал: «Бедные крестьяне!». ⁵⁹ Сумел разобраться в сущности «монаршей воли» и В. Ф. Раевский. Если накануне реформы он, хотя и в меньшей степени, чем другие декабристы, все же отдавал дань либеральному увлечению, то после 1861 г. он понял, что правительство лишь «играло в общественное мнение», а после Манифеста реакция укрепила свои позиции: «Мне иногда кажется, — пишет Раевский в 1861 г., — что мы живем в царствование Анны, под владением Бирона». ⁶⁰

Точно и глубоко смог понять сущность реформы В. С. Толстой, связывавший ее с поражением в Крымской войне: «Восточная война тоже фактически доказала, что пришло время уничтожить крепостное право». ⁶¹ Язвительно и метко В. Толстой характеризует Манифест 19 февраля 1861 г., срывая покровы великодушия с «монаршей милости»: «Правительство... себе приписывает уничтожение крепостной зависимости. Это напрасно: во 1-х, отлагать это великое дело справедливости было немыслимо после до крайности натянутого положения всего государственного строя предшествующего царствования, потрясенного в самых своих основаниях Крымскою войною... Во 2-х, само крестьянское освобождение от крепостной зависимости не стоило правительству ровно никакой жертвы как материальной, так и нравственной, кроме исписанной бумаги, чернил и перьев; и, в 3-х, в сущности, личного освобождения никакого не было, а действительно власть помещиков... перешла к волостным правлениям, составленным из грубых, жадных, диких мужиков». ⁶²

Приближаясь к политическому разоблачению реформы, В. Толстой трезво оценивает буржуазно-либеральное прекраснодушие, склонное считать вопрос об освобождении крестьян решенным. Как известно, именно в 1861 г. был наибольший подъем крестьянских волнений. Оценивая их, В. Толстой указывает, что причиной являлись слухи о «другой воле»: «Крестьяне или понимали, или инстинктивно чувствовали, что им вовсе не даровано воли. Вероятно, они не были в состоянии разобрать, что воля несовместима с закреплением к земле, но очень хорошо понимали, что для них заменили власть помещика властью своего брата, волостного старшины и старосты, для которых издавна составлено выражение «мироедов»... ⁶³ Но в то же время В. Толстой считал, что в целом царствование Александра II представляет переходную эпоху «с задатками улучшений, ведущих к монархическому представительству». ⁶⁴

А. В. Поджио, накануне реформ проявлявший либеральные колебания, позднее утверждал: «Все пошло тем же путем — путем ничем, никем не обузданного произвола!» Ранее полагавший, что правительство сможет «сверху» разрубить Гордиев узел — крестьянский вопрос, — теперь Поджио видит всю утопичность подобных иллюзий: «Нет, правительства неисправимы. Поделиться властью свыше их сил, и самодержавие не было бы истинно самодержавием, если бы оно было уступчиво и разумно». ⁶⁵

Недоверие правительству, подымавшему крестьянский вопрос «без ясной мысли, как его решить», выражал М. И. Муравьев-Апостол.⁶⁶ Критически оценивал правительственные меры и Г. Батеньков, полагая, что их шаткость «происходит от слабости их зачатий и нервов матери (т. е. правительства Александра II. — Л. Н.), как бы не прочна была в это время принудительная машина».⁶⁷ К исходу 1862 г. даже Оболенский, радужнее других относящийся к реформе, скептически смотрит на мероприятия по проведению реформы в жизнь; не верит он и в подготавливаемые правительством другие нововведения. И это разочарование он глубоко переживал.⁶⁸ Сколько бы ни писалось о возвращенных декабристах: «Они не поняли классовой сути. . .», «не смогли подняться. . .», «в силу дворянской ограниченности не смогли правильно оценить. . .» — следует прежде всего помнить, что за подобными общепринятыми формулировками скрывается и личная трагедия людей растерявшихся, потерявших всякую веру в любое — мирное и немирное — решение проблем, ради которых они пожертвовали собой. И потому сломленных. Сломленных не 30-летним изгнанием, не жестокой Сибирью, а самодержавием, которое, как им казалось, не победить ни революцией, ни реформами.

Таким образом, крестьянский вопрос в декабристской идеологии был основным вопросом не только на всех этапах деятельности тайных обществ до 1825 г., но и проблемой непреходящего значения и в период ссылки, и после амнистии. Освобождение крестьян было для большинства декабристов стимулом для вступления в тайное общество до 1825 г., а в Сибири и после амнистии необходимость освобождения крестьян была постоянным фактором, воздействовавшим на эволюцию идеологии декабристов. В годы разработки и проведения крестьянской реформы особенно ярко выявилась сущность дворянской революционности декабристов. Для большинства из них была типична вера в либерализм Александра II, обусловленная отчасти психологическим воздействием его амнистии для декабристов. Кроме того, для возвращенных декабристов было характерно балансирование между интересами помещиков и крестьян в период нарастания революционной ситуации. Поэтому в разногласии декабристских мнений о реформе обнаруживаются и демократические, и либеральные нотки. Манифест 19 февраля удовлетворил ту часть либерально настроенных декабристов, которые в реформе усматривали торжество идеалов тайного общества. Другие декабристы от наивных надежд и восхваления Александра II перешли к резкой критике реформы и признанию ее несостоятельности.

От надежд — через сомнения — к полному отрицанию значения реформы как «болтовни праздных людей, у которых нет ни желания, ни воли сделать другим добро», — таково отношение большинства декабристов к крестьянской реформе 1861 г. Можно сказать, что из всех политических оценок проблем, занимавших амнистированных декабристов в пятидесятые — шестидесятые годы, их оценки крестьянской реформы отличаются наибольшей противоречи-

востью, обусловленной, во-первых, самой природой дворянских революционеров, вынужденных после амнистии заботиться о своих помещичьих имениях, а, во-вторых, тем, что и до 1825 г. единого мнения о путях и способах освобождения крестьян среди членов тайных обществ не существовало, впоследствии же эти разногласия получили дальнейшее развитие. Вместе с тем следует признать, что ненависть к самодержавно-крепостническому строю, стремление освободить крестьян декабристы пронесли через всю жизнь, и в этом смысле их деятельность после амнистии доказывает непоколебимую верность идейным позициям тайного общества и постоянное их стремление быть достойными великого дела, которому они посвятили себя.

¹ См.: *Тарасова В. М.* К вопросу об общественно-политических связях П. И. Тургенева в годы революционной ситуации. — В кн.: *Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.* М., 1974, с. 278—294; *Коваль С. Ф.* Декабристы и общественное движение 50-х—начала 60-х годов XIX века. — В кн.: *В сердцах Отечества сынов.* Иркутск, 1975. 326 с.; *Мироенко С. В.* Крестьянский вопрос в трудах декабриста М. А. Фонвизина. — В кн.: *Исторические записки.* М., 1975, т. 96, с. 197—230; *Рабкина Н. А.* Отчизны внеземлем призыванье... М., 1976. 256 с.; *Шатрова Г. П.* Эволюция декабризма. — В кн.: *Декабристы и Сибирь.* Новосибирск, 1977, с. 25—35; *Герасимова Ю. И.* Декабрист А. Н. Муравьев в годы первой революционной ситуации. — *История СССР*, 1979, № 4, с. 164—179.

² *Русская потаенная литература XIX в.* / Предисловие Н. П. Огарева. Лондон, 1861, с. L—LIII.

³ *Лукин М. С.* Сочинения и письма. Пг., 1923, с. 14.

⁴ *Семенова А. В.* Южные декабристы и П. Д. Киселев. — *Исторические записки.* М., 1975, т. 96, с. 128—151.

⁵ Письма В. Ф. Раевского. — *Лит. наследство*, М., 1956, т. 60, кн. 1, с. 138; *Горбачевский И. М.* Записки. Письма. М., 1963, с. 213.

⁶ *Карцов В. Г.* Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск, 1965. 238 с.; *Бородавкин А. П., Шатрова Г. П.* Декабрист Г. С. Батеньков. Томск, 1960. 112 с.; *Рабкина Н. А.* Декабрист Г. С. Батеньков в годы революционной ситуации. — *Исторические записки.* М., 1975, т. 96, с. 174—196; *Записки Отдела рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина (далее — Записки ОР ГБЛ).* М., 1952, вып. 13, с. 49—50.

⁷ *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888, т. 2, с. 85; *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946, т. 1, с. 625—626.

⁸ Записки П. В. Басаргина. Пг., 1917, с. 242.

⁹ Воспоминания П. Е. Анненковой. М., 1929, с. 224.

¹⁰ Летописи Гос. лит. музея. Кн. III. Декабристы. М., 1938, с. 66.

¹¹ Воспоминания П. Е. Анненковой, с. 223—224.

¹² *Стремоухов П. Д.* Нижегородский губернатор А. Н. Муравьев. — *Русская старина*, 1901, май, с. 354.

¹³ Летописи... с. 221.

¹⁴ Записки ОР ГБЛ, с. 49—50.

¹⁵ *Волконский С. Г.* Записки декабриста. СПб., 1901, с. 408.

¹⁶ Переписку Е. П. Оболенского с Я. И. Ростовцевым см.: *Русский архив*, 1873, кн. 1, с. 450 и др.

¹⁷ *Декабристы.* Труды Пушкинского дома. Л., 1925, с. 258.

¹⁸ *Волконский С. Г.* Записки декабриста, с. 500.

¹⁹ Летописи... с. 111.

²⁰ *Неизвестные письма В. Ф. Раевского.* — *Лит. наследство*, т. 60, кн. 1, с. 163.

²¹ *Бейсов П. С.* Новое о Раевском. — В кн.: А. С. Пушкин. Юбилейный сб. Ульянов. пед. ин-та. Ульяновск, 1948, с. 304.

²² Летописи... с. 57.

- ²³ Декабристы. Труды Пушкинского дома, с. 251; *Арцимович В. А.* Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904.
- ²⁴ Аристократов на фонары! Цит. по: *Добринская Л. Б.* Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1972, с. 32—33.
- ²⁵ Летописи. . . , с. 474—478.
- ²⁶ Там же, с. 309.
- ²⁷ *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев, с. 284.
- ²⁸ Летописи. . . , с. 237.
- ²⁹ Там же, с. 265.
- ³⁰ Письмо И. И. Пущина. — Голос минувшего, 1915, № 6, с. 188.
- ³¹ Декабристы в Москве. М., 1963, с. 253.
- ³² Там же.
- ³³ *Магданова И. П.* Декабрист А. В. Поджио и его воспитанники братья Белоголовые. — В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978, вып. 1, с. 100—102.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Записки И. Д. Якушкина, с. 532.
- ³⁶ Летописи. . . , с. 66—67.
- ³⁷ Исторические записки. М., 1975, т. 96, с. 208—214.
- ³⁸ Декабристы в Москве. М., 1963, с. 255.
- ³⁹ *Павлова Л. Я.* Декабрист М. Ф. Орлов. Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1967; *Волконский С. Г.* Записки декабриста, с. 407.
- ⁴⁰ *Лавров Н. Ф.* К истории освобождения крестьян декабристом И. Д. Якушкиным. — Красный архив, 1925, № 6 (13).
- ⁴¹ Записки И. Д. Якушкина, с. 238.
- ⁴² Там же, с. 241.
- ⁴³ Воспоминания П. Е. Анненковой, с. 225.
- ⁴⁴ Летописи. . . , с. 328.
- ⁴⁵ Там же, с. 255.
- ⁴⁶ Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925, с. 269.
- ⁴⁷ Декабристы. Материалы для характеристики. М., 1907, с. 79.
- ⁴⁸ Там же, с. 96—97.
- ⁴⁹ *Розен А. Е.* Записки. Лейпциг, 1870, с. 545.
- ⁵⁰ *Толстой В. С.* Воспоминания. — В кн.: Декабристы. Новые материалы. М., 1955, с. 133.
- ⁵¹ Там же, с. 90.
- ⁵² *Розен А. Е.* Записки, с. 548.
- ⁵³ *Волконский С. Г.* Записки декабриста, с. 505.
- ⁵⁴ Декабристы в Москве, с. 253.
- ⁵⁵ Декабристы. Неизданные материалы и статьи, с. 271.
- ⁵⁶ Воспоминания Бестужевых, с. 456—457.
- ⁵⁷ Декабристы. Материалы для характеристики, с. 68.
- ⁵⁸ *Горбачевский И. И.* Записки. . . , с. 213. См. также с. 210, 211, 232.
- ⁵⁹ Декабристы. Новые материалы. М., 1956, с. 155.
- ⁶⁰ *Бейсов П. С.* Новое о Раевском, с. 310.
- ⁶¹ *Толстой В. С.* Воспоминания, с. 91.
- ⁶² Там же, с. 32.
- ⁶³ Там же, с. 95.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Записки А. В. Поджио, с. 72—73.
- ⁶⁶ Декабристы в Москве, с. 255.
- ⁶⁷ *Карцов В. Г.* Указ. соч., с. 205.
- ⁶⁸ Декабристы. Материалы для характеристики, с. 75—83.